

УДК 81

Е.Т. Ермоченко

кандидат филологических наук, доцент

Брянский государственный университет

г. Брянск, Россия

redaction-el@mail.ru

**ДИАЛОГ МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ
В НОВОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОЗЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

**[*Ermochenko E.T. Dialog Moscow-Petersburg*
in new Petersburg poetry in XX – XXI century]**

The article considers the new Petersburg prose of late XX - early XXI century realized as traditional idea of rivalry between Moscow and St. Petersburg. It is identified steps of dialogue between the two capitals and are considered in the context of white stone and Northern Palmyra centers as "historical consciousness". In the context of dialogue between the two capitals an important place takes narrative "Split eternity" by A. Bitov. Artwork is subtitled "Confessions bigamist." In the dual title ("Split eternity") special attention is focused on the narrative genre. Confession presupposes frank coming from deep within the story. The name can be traced and self-characterization of the narrator ("bigamist"), immediately giving the author's concept - unity, fusion of Moscow and St. Petersburg. It is concluded that the texts by Isupov K., A. Shnurenko, A. Bitov revive tradition discussion Moscow and St. Petersburg.

Key words: new Petersburg prose types of cities, cultural space, the context of ideology, national memory, symbolic texture, semiotic city.

Реалии Москвы или Ленинграда, как отмечает автор статьи «Модификация жанра городского рассказа 60-90-х гг.», А.В. Шаравин, какими их увидели писатели А. Битов и Ю. Трифанов, отразились в структуре, во внутреннем строении рассказов писателей [1, 256]. Исследователи неоднократно отмечали, что «диалог» двух столиц стал неотъемлемой частью петербургского текста. Полемика Москвы-Петербурга в произведениях XVIII-XX вв. получила освещение в трудах Ю. Лотмана, В. Топорова, К. Исупова и др.

Еще в начале XX в. ученые высказали предположение, что русские столицы относятся к разным типам городов. Н.П. Анциферов в книге «Душа Петербурга» констатировал, что урбанистические поселения первого типа «возникают стихийно, развиваясь свободно, подобно лесу», их улицы «спутаны, вырастают

одна из другой, как ветви могучего дерева», и только «внимательный анализ плана дает возможность открыть известную логику в росте города: вокруг ядра наслаиваются новые круги, в этом случае план города напоминает разрез ствола дерева» [2, с. 33]. Города второго типа «создавались в обстановке уже развитой и сложной культуры, вызванные к бытию общегосударственными потребностями», и подобны «парку с правильными аллеями, на устройстве которых лежит печать сознательного творчества» [2, с. 33]. К первому типу поселений, по мнению Анциферова, принадлежит Рим, Москва, а ко второму Нью-Йорк, Флоренция, Петербург. Эта концепция была в дальнейшем развита Ю. Лотманом. Ученый выделял два типа городов – «концентрический» и «эксцентрический». Петербург в контексте предложенной теории трактовался как город «эксцентрический». «Эксцентрический город расположен на «краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля / небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенность порядка, – с другой» [3, с. 31].

Однако если В. Топоров в «Петербургском тексте русской литературы» рассматривает Москву и Петербург как две изначально данные противоположности, художественно реализованные оппозиции, то К. Исупов в работе «Диалог столиц в исторической перспективе» анализирует отраженный произведениями спор в сравнительно-историческом аспекте. Исследователь видит особенности полемики в том, что она ведется «не с непримиримо враждебных позиций (такой спор рано или поздно превращается в диалог глухих), а внутри единой (общей для всех сторон диалога) культурно-исторической ситуации и единой идеологической парадигмы» [4, с. 21]. К. Исупов рассматривает параллель Москва-Петербург как эволюцию духовно напряженного «диалога старомосковской и русско-европейской традиции» [4, с. 22]. В работе «Диалог столиц в исторической перспективе» ученый реализует хронологический подход к полемике Москвы – Петербурга. Первый этап «уже начался, когда на месте будущего городка Санкт-Петербурга не было забито ни одной сваи», его истоки «в характере и поведении юного московского царя Петра» [4, с. 1-2]. Перенос столицы в Северную Пальмиру художественно оформил начавшийся диалог Москвы и Петербурга, первоначальное содержание которого определила

полемика «древнего патриотизма в его московской ориентации» (Москва – святое место, где всегда должен быть расположен столичный град) и «державного петербургоцентризма» (новая государственность европейского образца, разрывающие со старой жизнью) [4, с. 4].

Уже в этот исторический период обозначилось несколько смысловых линий, организующих сопоставление двух столиц: органическое/механическое; естественное/искусственное; азиатское/европейское; сердечное/умственное; древнее/юное; смиренное/гордое; женское/мужское; народное/правительственное; консервативное/прогрессивное; деревенское/урбанистическое; город возрождающийся/город обреченный. К.Г. Исупов анализирует выявленные противоположности в контексте мировоззрения того или иного автора, что для исследователя и определяет шкалу оценок («Гоголю важно было утвердить ту философско-историческую точку зрения, согласно которой «петербургский» путь представляется национально-историческим самообманом. Гоголь решение будущего России предполагал искать не столько на особых путях европейско-азиатского культурного синтеза, сколько в опоре на национальную память и достоинство...» [4, с. 17]).

Особое понимание ученый уделяет развернувшейся полемике между славянофилами и западниками, так как именно тогда «спор столиц» достигает «особой резкости» [4, 20]. Именно в разногласиях этих представителей русской философской мысли и произошло размежевание «этнокультурных границ», фиксация исконной принадлежности «исторических прерогатив» и «художественных ценностей Москве или Петербургу», отразившее различные подходы к «философии истории» с «ее векторами исторического оправдания и исторической надежды» [4, с. 23]. Спор западников и славянофилов справедливо трактуется Исуповым как одно из немногочисленных проявлений диалога двух столиц «не в формах контраста и аналогии, а в форме взаимоотрицания» [4, с. 23]. Исследователь, анализируя параллель Москва – Петербург, подчеркивает и повторяющиеся, «рифмующиеся» этапы. К. Исупов обнаруживает совпадение между этапами 30-40-х и 80-х гг. (речь идет о суждениях К.Н. Леонтьева) XIX века: первоначально городам выносятся «оценочное суждение» и только потом на его основе строится «культурно-историческая аргументация» [4, с. 32].

Анализируя диалог Москвы и Петербурга на рубеже XIX – XX вв., ученый фиксирует активизацию петербургской апокалиптики. «Публицистика первых десятилетий XX века... разрушает образ Петербурга как логически упорядоченного космоса. Коль скоро его «целью» объявляется неминуемая гибель, то и историческое его существование теряет смысл, – делает вывод исследователь, – он начинает восприниматься как псевдологический фантом, город-насмешка, как сатанинская ухмылка императора над здравым смыслом, как безумная попытка преодолеть стихию (природную, национальную, историческую) голым расчетом. На этом фоне усиливается «партия» Москвы: «ее голос начинает звучать в тонах утешения и надежды» [4, с. 49]. В отмеченный период происходит и развитие «темы демонизированного города», и активная разработка петербургской мифологии писателями [4, с. 56].

Среди различных смысловых аспектов диалога Москвы – Петербурга, по мнению К. Исупова, важное место занимает отраженная в текстах борьба двух столиц за роль новой святой земли («Третьего Рима»). Обращение К. Исупова к параллели Москва – Петербург в литературе русской эмиграции позволяет ученому сделать ряд интересных наблюдений. Это и трактовка Петербурга как более русского, чем Москва, города (во многом связанная с переносом правительством большевиков столицы в белокаменную), и концепция ухода от Москвы и Петербурга к святым холмам Киева и т.д.

В работе «Диалог столиц в исторической перспективе» одной из наиболее интересных и плодотворных идей, представляется развитие К. Исуповым концепции Ю. Лотмана о семиотичности города, и в частности, Петербурга. Исследователь утверждает, что северная столица – город «повышенной знаковости» («...столица на Неве, изначально задуманная на метаязыках наличных мировых столиц, возникает как метагород и Город одновременно. Петербург – город повышенной знаковости (гиперсемиотичности). В условиях эклектической стилистики вещь не только является тем, что она есть, но еще и означает себя как эстетический артефакт, подобно тому, как на театре реальная вещь является и самим предметом, и его образом. Петербург в своей внешней предметной выразительности оказывается ...еще и изображением, «картинкой», т. е. приобретает вид художественного текста или живого организма с чертами самосознания» [4, с. 13]. Москва же, по мнению К. Исупова, «не порождает знаков второго

порядка» («Двойная знаковая фактура Петербурга (когда город оказывается знаком самого себя) решительно противостоит «естественному» языку Москвы, не порождающему знаков второго порядка» [4, с. 13].

Выявленные этапы диалога двух столиц позволяют К. Исупову сделать вывод о белокаменной и Северной Пальмире как о центрах «исторического самосознания» («Каждая из столиц накапливает свой ценностный мир, строит свою мировоззренческую позицию, определяет свою меру диалогической активности. Взятые порознь, наши отечественные метрополии демонстрируют крайние точки той амплитуды идеологических и эстетических предпочтений, в пределах которой русская мысль совершает свой выбор, создает свою мифологию, образ жизни и национальное поведение, а нация в целом свой способ самоопределения в принадлежащем ей историческом пространстве» [4, с. 68]).

Что касается развития диалога Москвы и Петербурга в годы Советской власти, то «диалог столиц до конца 50-х гг. уходит вглубь, лишь изредка прорываясь к читателю глухими отголосками» [4, с. 57].

Выводы, сделанные литературоведами и учеными, оказались востребованными и целым рядом писателей. Так, Валерий Попов в интервью «Город по вертикали», данном А. Пурину, излагает концепцию Петербурга, во многом корреспондирующую с изложенными выше идеями исследователей. Известный прозаик, петербуржец, автор книг «Две поездки в Москву», «Грибники ходят с ножами», «Будни гарема», также идентифицирует параллель Москва – Петербург как «диалогическую» («А Москва тоже очень важна и нужна. Не будь Москвы, не с чем было бы себя сравнивать, самоидентифицировать – не было бы повода гордиться своей бедностью, блокадной петербургской выносливостью. Петербуржцами мы себя чувствуем как раз перед Москвой, на ее фоне. Вообще Петербург и Москва – замечательный дуэт. Помните, у Толстого – хлебосольная Москва Ростовых и служилый каренинский Петербург. Петербург рожден идеей, Москва выросла из земли, как огород: чтобы жить было удобнее, сытнее, теплее. Так, в общем-то, и осталось. У нас идея преобладает над материей. Наверное, это сказывается и на петербургской литературной школе. В конце XX – начале XXI в. писатели продолжили осмысливать действительность в рамках «ценностного мира», эстетических и идеологических предпочтений, репрезентированных образами Москвы или Петербурга.

Эта линия развития литературы, прерванная за годы советской власти, к концу миллениума была восстановлена в новой петербургской прозе. Возвращение к данной культурно-исторической традиции предсказывали и литературоведы, уверенно прогнозирувавшие, что «душа Москвы и гений Петербурга стоят в наши дни на пороге новых диалогических инициатив» [4, с. 64].

Свидетельством их правоты и стали тексты, выдержанные в диалогическом жанре между Москвой и Петербургом и опубликованные в конце XX – начале XXI в.

Речь прежде всего идет о произведениях «Раздвоение вечности (Исповедь двоеженца)» А. Битова, «Планета Петербург» И. Шнуренко. Текст последнего состоит из трех глав («Введение в космогонию», «Говорит и показывает Москва», «Петербург должен перестать быть кладбищем») и определяющих специфику воплощения материала. Автор повествует о России как о вселенной «с туманностями и черными дырами, красными гигантами и белыми карликами, сверхновыми и Млечным Путем», в которой расположены Солнце – Москва и планета – Петербург [5, с. 3]. Система созвездий, художественно моделированная И. Шнуренко, имеет космическую историю («Система, в которой Москва является солнцем, была когда-то системой двойной звезды Петербург – Москва. Первая звезда, однако, просияла недолго и со временем остыла. Теперь это большая планета с атмосферой из инертных газов, от чего все обитатели находятся как бы в полудреме» [5, с. 3]). Центр данной вселенной – «Город-Солнце» Москва, которая собирает дань с других планет «деньгами и природными богатствами», предоставляя «взамен пять телевизионных программ». [5, с. 3]. Авторская галактика прозрачно аллегорична, однако уже во второй и третьей главах И. Шнуренко отказывается от использования космогонической терминологии. Писатель своей главной цели достиг – противопоставление планеты Москва (ставшей солнцем для звездной системы) и планеты Петербург (остывшей звезды) задано.

В дальнейшем (особенно в заключительной главе) автор организует текст как сравнительную характеристику двух городов. Первая и вторая часть произведения воссоздает «взгляд» из центра данной космической вселенной – из «Города-Солнца» («Солнечные жители, которые еще помнят время, когда Петербург был главной звездой двойной системы, еще видят в петербуржцах признаки разумных существ – правда, вечно ноющих, худосочных и

нищих. По их мнению, петербуржцы – хорошие кандидаты в москвичи, и некоторые из них, если их немного откормить, достойны чести стать со временем солнечными жителями. Солнечные жители знают из телевизора, что в Петербурге есть певцы Боярский, Гребенщиков и Розенбаум, а еще певец Шевчук, который знает толк в химикатах для выведения жучков. Петербург, считают москвичи, полон тележурналистов с безумными глазами алкоголиков-музыкантов и прочих люмпенов, патетических проституток, художников – ипохондриков и философствующих убийц» [5, с. 4]). Именно во «Введении в космогонию», «Говорит и показывает Москва» и задается образ Петербурга как «планеты-кладбища» («Планета Петербург живет своим прошлым. Это огромная заброшенная планета – кладбище, планета-музей. Смотрители кладбища пользуются здесь наибольшим почетом и часто принимают участие в торжественных церемониях. Церемонии происходят настолько часто, что кажется они и есть смысл существования планеты. Любимый жанр официальных лиц – надгробная речь, полная отсылок к ушедшему блеску, которая была когда-то звездой. Газеты, журналы и телевидение полнятся описаниями различных торжеств и годовщин – так что публика уверена, что живет в городе, где проходят бесконечные похороны» [5, с. 4]).

Начало третьей главы возвращает к такой трактовке города на Неве. Кажется бы, данный образ становится лейтмотивным для текста И. Шнуренко («Образ Петербурга... берут с телеэкрана: торжественные церемонии похорон застывшей в неподвижности культуры...» [5, с. 7]). Однако автор создает свое произведение в русле диалогической традиции между Москвой и Петербургом. Реализация антитетического принципа композиции позволяет И. Шнуренко сталкивать, опровергать, менять местами кажущееся (мнимое) и истинное (подлинное). В тексте «Планеты Петербург» кажущееся может обернуться истинным, а подлинное мнимым. Третья глава открывается сравнительной характеристикой двух городов – Москвы и Петербурга (солнце/инертная остывшая планета; настоящее/прошлое; жизнь/смерть; древнеегипетская иерархия власти/пугливый губернатор; синтезирует всех и все/анализирует и раскладывает по полочкам музейные реликвии; коррупция/квартирное мошенничество; материалист и циник)/«идеалист... сентиментально-идиотского пошиба»; переводчик со всех языков и творец новояза/«дозволено картавить, говорить путано и длинно и устраивать литера-

турные чтения поэтов «серебряного века»»; идеальное место для интриги, общества, заговора/коммунальная склока или треп на ток-шоу; идеосинкразия/ипохондрия; инфляция/«стреляют друг у друга сигареты; интервенция и сусанинщина, дипломаты-предатели, шпионы-оборотни/«попал в капкан выражения «окно в Европу» и никак не может выбраться из оконной рамы»; убийство из-за денег, недвижимости, женщины, власти/убийство по теории: «себе во вред, по идее на благо»; проституция за деньги/ проституция «из-за самоуничтожения или чтобы свести счеты с проклятым миром»; ерофеевская русская красавица/«интердевочка; рынок № 1 для диссидентов, где «они вольготно пасутся на грантовских хлебах продаются и перепродаются»/«возмутителя спокойствия ожидает удар в зубы (кнут) или предложение поучаствовать в ток-шоу с московской звездой (пряник); «огни, временами переходящие в пожары»/«наводнения... да бесплотные туманы»; Пьер Безухов, в течение дня пообщавшийся и – с простым народом, и с французским императором, все понявший и принявший/Евгений, в ужасе удирающий от призрака прошлого – Медного всадника; экспансия/блокада [5, с. 7-8]). Созданное И. Шнуренко смысловое поле функционирование образов Москвы и Петербурга построено по принципу контраста. Однако охарактеризованные автором противоположности формируют подлинные диалогические отношения. С середины третьей главки И. Шнуренко расставляет совершенно другие аспекты в дискуссии Москвы и Петербурга.

Отношение «Города–Солнца» к «остывающей Северной «звезде» трактуется как нетерпимость: «Город-Солнце не хочет, чтобы звезда зажигалась где-нибудь еще, и ревниво относится к любым другим формам разума, проявись они на планете Петербург или на кольцах Сибири» [5, с. 8]. Автор по-другому, в отличие от первой и второй главы, пытается осмыслить упадок Петербурга («Планета Петербург зациклилась на собственной неудаче и сама поддерживает образ бедного аристократа, промотавшего наследство» [5, с. 8]). Приведенный текст помещается И. Шнуренко в середине третьей главы. Такое расположение процитированного не случайно: это ключевой отрывок, с которого активизируется диалог между городом на Неве и Белокаменной. Особенно важным представляется опровержение двух тезисов, ставших распространенными клише (об унылости и академизме Петербурга, о Северной Пальмире – кладбище). «Между тем жизнь в Петербурге есть, и его стиль – это вовсе не уны-

лый академизм и сентиментальный идиотизм, как Город-Солнце приучил нас самих о себе думать» – пишет автор эссе «Планета Петербург». – Да, Петербург – это упорядоченность, но это не порядок кладбища, а рациональность творческой мысли. Это не только линия и перспектива – это умение работать с механикой бытия и подчинять себе хаос. Это божественное качество мы видим у Льва Додина, когда сложнейший и идейно насыщенный спектакль играет, словно симфония, на нескольких планетах одновременно – при том что каждый участник действия – тоже творец, а не винтик в часовом механизме. Это мы ощущаем в музыке Шостаковича, в ритмах Карла Росси и даже в лучших блюдах петербургской кухни» [5, с. 8-9].

Переосмысление текста произошло, акценты расставлены, первоначальные тезисы оспорены, что и позволяет И. Шнуренко сделать качественно новые выводы. Во-первых, «отдав Петербург на милость тотальной блокады, великий московский князь Иосиф Сталин выморил поколение людей, читавших Шекспира и Данте в подлиннике» [5, с. 9]. Во-вторых, именно с этого момента и началась ориентация города на Неве на вторичный культурный московский рынок («плохие московские переводы», «уродливо дублированные фильмы», «скверно и наспех переведенные книги», «плохо подогнанные под русский размер программы», «глянцевые московские журналы, которые пестрят грамматическими ошибками и фотографиями, неудачно переснятыми с западных изданий»). В-третьих, следствием такого положения вещей и стало подозрительное отношение к оригиналу и преклонение перед вторичными поделками, которые выпускает в большом количестве Город-Солнце («Петербург – это простота оригинала перед многословностью и нечеткостью перевода, так характерных для Москвы... В ночных московских клубах, где так просто оказаться жертвой мужской пьяной разборки, стиль определяется кошельком хозяина и его «насмотренностью»... В Петербурге клуб может вырасти как поганка на болоте и выйти как отрывка после сумбурного пиршества, но это будет оригинальная поганка и классически неизбежная, неповторимая отрывка. В московский клуб писатели придут и напьются лично – в питерском, за неимением издательств и литературной жизни, писателей нарисуют на стене – но так, что они будут реальнее настоящих» [5, с. 9]). Все сказанное и позволяет автору эссе сделать следующий вывод: «Планета Пе-

тербург может никогда уже не стать солнцем. Пора, однако, перестать быть кладбищем и начать жить» [5, с. 9]. Образ, использованный И. Шнуренко, не только лейтмотив его произведения, но и является доминирующим для петербургской традиции русской литературы.

В контексте диалога двух столиц важное место занимает и нарратив «Раздвоение вечности» А. Битова. Произведение имеет подзаголовок «Исповедь двоеженца». В приведенном двойном названии («Раздвоение вечности (Исповедь двоеженца)») особое внимание автор, очевидно, акцентирует на жанре нарратива. Исповедь предполагает откровенный, идущий из глубины души рассказ. В названии прослеживается и самохарактеристика повествователя («двоеженец»), сразу же задающая авторскую концепцию – единство, слитности Москвы и Петербурга. Тексты К. Исупова, И. Шнуренко и А. Битова возрождают традицию дискуссии Москвы и Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаравин А.В. Модификация жанра городского рассказа 60-90-х г. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2.
2. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга, Петербург Достоевского, Петербург Пушкина. Л.: Лениздат, 1991.
3. Лотман Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. 18. Тарту, 1984.
4. Исупов К.Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва-Петербург. Pro et contra. СПб, 2000.
5. Шнуренко И. Планета Петербург // Нева. 1998. № 8.
6. Битов А. Раздвоение вечности. (Исповедь двоеженца) // Звезда. 1999. № 1.

REFERENCES

1. Sharavin A.V. Modification of urban genre story 60-90s // the Bulletin of the Bryansk State University. 2013. № 2.
2. Antsiferov N.P. "Incomprehensible city ...": The Soul of St.Petersburg, Petersburg Dostoyevsky, Pushkin Petersburg. L.: Lenizdat, 1991.

3. *Lotman Yu.* Heraldry of St. Petersburg and the problems of semiotics city // Works on sign systems. 18. Tartu, 1984.
4. *Isupov K.G.* Dialogue capitals in the historical movement // Moscow to St. Petersburg. Pro et contra. St. Petersburg, 2000.
5. *Shnurenko I.* Planet Petersburg // Neva. 1998. № 8.
6. *Bitov A.* Split eternity. (Confessions of a bigamist) // Zvezda. 1999. № 1.

24 мая 2014 г.
